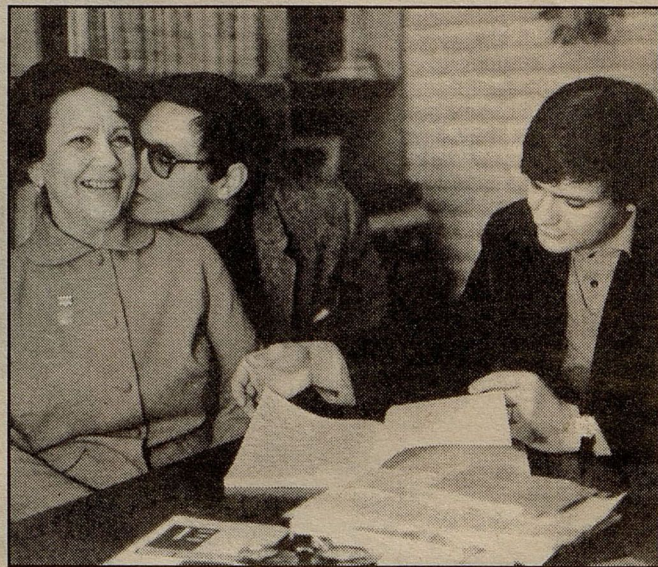
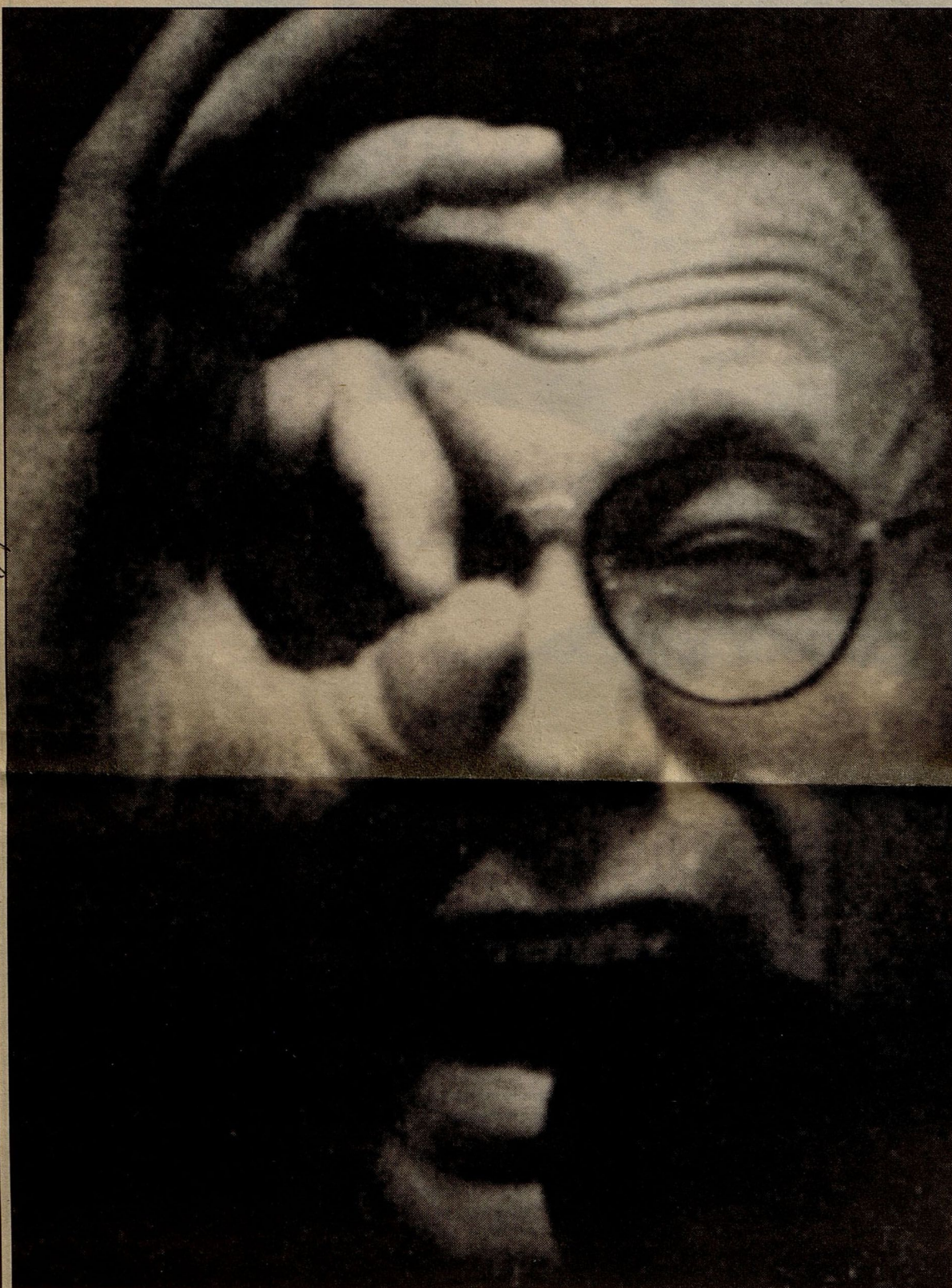
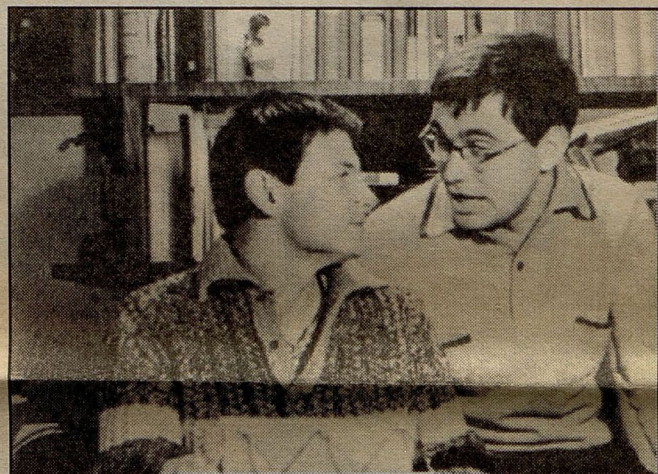

АВТОРИТЕТ

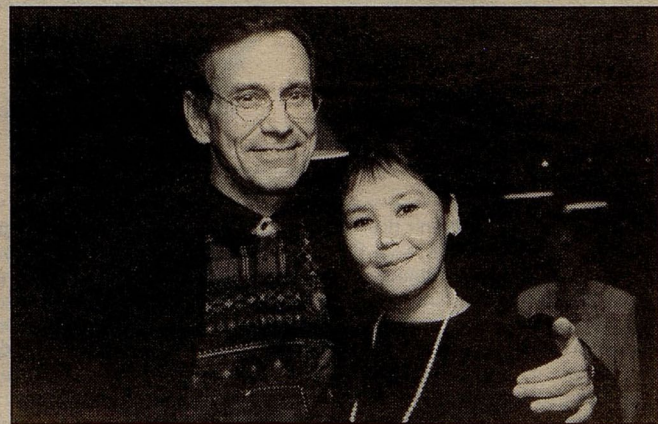
20 АВГУСТА ПЕРВЫЙ КИНОРЕЖИССЕР
ИЗ КЛАНА МИХАЛКОВЫХ ОТМЕЧАЕТ ЮБИЛЕЙ

Наталья Петровна Кончаловская с сыновьями.

Сценарий «Андрея Рублева»
сочиняли с Тарковским в две руки.

После «Первого учителя» — первая жена,
Наталья Аринбасарова.

Половина зрителей, идущих на премьеру «Антикиллера», уверены, что фильм снят «тем самым» Кончаловским. Далеко не все знают, что это не убежденный сединами классик Голливуда разродился новым шедевром, а молодой клипмейкер и рекламщик вышел на большой экран. Однако этих двоих кое-что связывает. Кроме профессиональных интересов — еще и семейные узы. В эксклюзивном интервью «ВК» о пристрастиях и слабостях, образе жизни и методах воспитания старшего и знаменитого — Андрея Сергеевича Кончаловского — накануне его 65-летия рассуждает сын — Егор Андреевич.

— Я кстати сейчас вот только сообразил, что действительно — юбилей, 65 лет. На мой взгляд Андрею Сергеевичу шестидесяти пяти никак не дашь. Я очень рад, что он в такой замечательной форме. И со здоровьем, тыфу-тыфу, все неплохо, он полон сил, полон творческих планов.

— Как отец вас воспитывал?

— Фактически отец меня не воспитывал. Во-первых, он всегда был очень занят, а во-вторых, они разошлись с моей матерью — Натальей Аринбасаровой — когда мне было всего три года, чему я на самом деле рад. Потому что, мне кажется, они все равно разошлись бы рано или поздно, так как характер у обоих весьма и весьма непростой. А с другой стороны — я не представляю себе, что моя мама — жена моего отца! Я собственно этого и не видел... Так что отец меня не воспи-

тывал. Мы вообще мало общались до моих лет двенадцати. Мы, конечно, виделись — на даче на Николиной горе, но он всегда был занят. Потом уже, как ни странно, после того, как он уехал в Америку, в 77-78 году, мы стали общаться гораздо более плотно, хотя я оставался в России, пошел в армию. Но по-настоящему мы стали общаться, когда я жил в Англии, он жил в Лос-Анджелесе, а мама жила в Москве. Тогда мы разговаривали по телефону почти каждый день, ездили вместе отдыхать на Гавайи, в Италию, в Германию. Воспитывать меня у него особенно не получилось. Меня воспитывал мой отчим Николай Двигубский, за что я ему очень благодарен. Но, конечно, если бы не отец, самых важных вещей, которые составляют неотъемлемую часть меня, не было бы. Я был бы — но был бы совсем другим.

Я, например, очень рад, что в свое время уехал из России, кстати, вопреки желанию и матери, и деда. Еще была советская власть, полудохленькая уже, но тем не менее. Я рад, что отец меня убедил уехать, потому что жизнь за границей оказалась для меня тем конструктивным периодом, когда я перестал быть номенклатурным мальчиком, представителем золотой молодежи, перестал ездить по Рублевскому шоссе на папиных машинах. Там я понял, какова жизнь реальная, нормальная, обычная.

У нас с ним был спор, поступлю ли я в Кембриджский университет. Я этот спор выиграл, причем выиграл хорошую сумму — пять тысяч долларов. Такими вот несложными поступками отец сильно на меня повлиял.

Вообще, он был для меня очень долго непрерываемым авторитетом. Авторитетом он

и остается, но уже не неоспоримым.

Я смотрю на людей старшего поколения — которым сейчас по пятьдесят, по пятьдесят пять лет — ну, старики. Они не физически «немогут» и не умственно, но производят впечатление абсолютно выпавших из новой жизни, не нашедших себе в ней места. Что меня в отце очень удивляет, так это то, что он очень уютно себя чувствует в сегодняшней ситуации, в новой России, со всеми ее плюсами и минусами. Конечно, и Сергей Владимирович, и Никита тоже очень неплохо себя чувствуют, вот дедушка даже гимн новый написал. Но у отца это все выглядит более естественно, более органично.

Когда Андрей Сергеевич уехал из России, он попал в среду более чем неуютную. Особенно первые годы жизни в Голливуде были для него

очень тяжелыми. Просто не на что было жить. Отец вынужден был торговать икрой: приезжал в Москву, покупал два килограмма икры, в Лос-Анджелесе ее расфасовывал и продавал. Так вот он зарабатывал. И это уже после «Сибири-ады», после Каннского фестиваля, после больших кинопо-бед. Такая жизнь продолжалась лет пять или шесть – почти нищета. Не голодное, конечно, существование, но бедное.

У меня вызывает огромное уважение тот факт, что каждый день он учится. Например, в Интернете он ориентируется гораздо лучше меня. Вот моя мама к компьютеру даже близко не подходит. Я уверен, что Никита Михалков тоже на компьютере особенно не работает. Кто-то это делает за него. Желание постоянно учиться у меня тоже, конечно, присутствует, но не в такой степени, как у отца.

А вот другое качество Андрея Сергеевича, которым я восхищаюсь, присуще и мне – это способность на авантюру. Умение кинуться в омут с головой, ввязаться в драку, а уже потом расхлебывать. Никита Михалков тоже декларирует этот принцип: глаза бояться, а руки делают. Но если сравнивать, то отцом этот девиз был прожит более глубоко. Никита всегда оставался большим советским художником, потом большим русским режиссером – за ним всегда стояла страна. А отец бросил все и остался один в Голливуде, в Лос-Анджелесе. Это было несладко.

Я очень люблю книги Андрея Сергеевича. Они мне очень нравятся. Хотя и не все в них. На его месте какие-то вещи я не стал бы писать, понатно, наверное, какие... Мне было очень приятно читать их, потому что в доброй трети случаев, описанных им, я стоял где-то рядом и все это помню. И надо сказать, что многие факты он подзабыл и не вполне они правильно описаны.

– **Например?**

– Например, отец написал, что я родился в 64-м году, а я родился в 66-м... С датами он вообще там довольно свободно обращается.

– **Как вы относитесь к фильмам Андрея Сергеевича?**

– Я люблю папино кино, но самым любимым моим режиссером он не является. Хотя я очень люблю «Поезд-беглец», «Сибириаду», «Романс о влюбленных». К более поздним его картинам холоднее отношусь.

– **Отец учил вас снимать кино?**

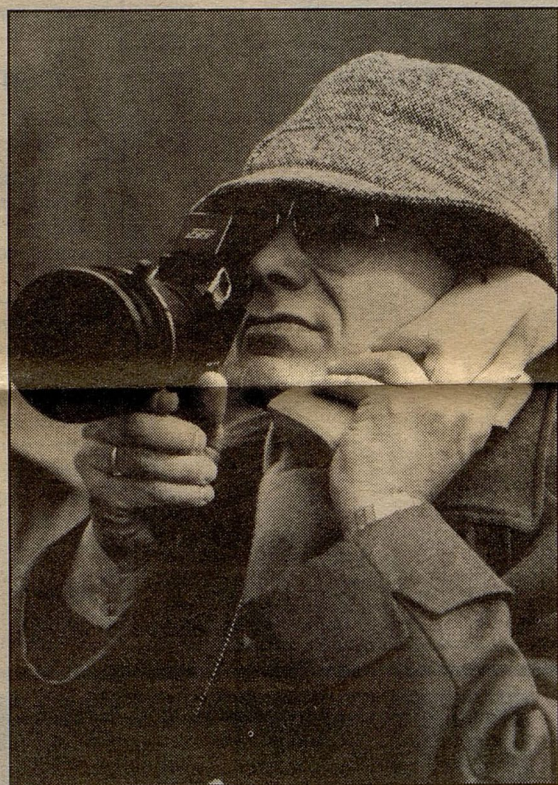
– Я никогда не просил его советов! Никогда не давал читать сценарии. Мало того, я думаю, что отец последний человек, который видит мои готовые фильмы. Почему-то у меня нет потребности советоваться с ним, а может, это – фобия. Помощь мне не нужна. Я стараюсь вообще никаких советов не слушать, в том числе и отцовских. Могу спросить его, как правильно составить контракт с французским продюсером, а что касается кино, сценариев, монтажа – тут обхожусь сам. Не потому, что я ему не доверяю, или это другое поколение, нет. Просто не вижу в этом необходимости. Мнение свое он мне высказывает. По поводу моего первого фильма он сказал: «Плохое кино». Я расстроился. А потом Никита мне сказал: «Хорошее кино». А мой фильм «Затворник» на самом деле ни плохой, ни хороший – никакой.

– **Я думала, что Андрея Сергеевича и Никиту Сергеевича сравнивают только публика. Но и в ваших словах уже в который раз они возникают рядом...**

– Никита на меня оказал,

Никита Сергеевич, Егор Андреевич, Андрей Сергеевич.

«У отца никогда не льется водка рекой. У Никиты всегда лежит осетрина, нарезанная ломтиками, поросенок молочный целиком жарится на вертеле, а у отца – протертые грецкие орехи с овощами... Это разный подход к жизни! Это забавно, притом, что в чем-то они очень похожи».

конечно, меньшее влияние, чем отец. Но все-таки достаточно серьезное: мы жили в одном доме довольно долго. Некоторое время жизненная эстетика Никиты была мне гораздо ближе отцовской, а сейчас наоборот.

– **Что вы называете эстетикой?**

– Например, у отца никогда не льется водка рекой. У Никиты всегда лежит осетрина, нарезанная ломтиками, поросенок молочный целиком жарится на вертеле, а у отца – протертые грецкие орехи с овощами... Это разный подход к жизни! Это забавно, притом, что в чем-то они очень похожи.

Эстетика отца мне ближе. Я очень жалею, что не могу вести тот правильный образ жизни, которого он строго придерживается. Правда, чтобы прийти к этому правильному образу жизни, отцу потребовалось заработать язву и побывать в коме... Язвы я уже заработал! После комы начну есть протертые зерна пшеницы и запивать их дистиллированной водой. Заботу о здоровье отец, конечно, доводит до абсурда: если появляется какая-нибудь новая сыворотка неродившегося теленка, которая вырабатывается только в момент полового созревания, и она вроде бы оказывает чудесное действие на пигмент волос, то отец будет себе колоть эту сыворотку, пока у него не начнется аллергия! Витамины он ест долларов на триста-четыре в месяц. Витаминчик я тоже ношу в кармане, но вот принять все забываю. А отец потребляет их пригоршнями.

Есть у него еще удивительное качество. Если Андрей Сергеевич начинает строить большой, серьезный, дорогой, с позолоченными кранами и турецкой плиткой дом где-нибудь в Лос-Анджелесе или Париже, то, скорее всего, его дома ни разу не переступит порог этого дома и через несколько лет он будет продан с ужасающими финансовыми потерями. Так было всегда. Приводя меня в строящийся дворец, он говорил: «Вот здесь мы будем жить!» Слыша эту фразу, я точно знал, что вижу этот дом в последний раз. Что после нескольких лет сдачи в аренду его продадут.

Папа вообще никогда не умел обращаться с деньгами. Никогда. Поэтому ему так и не удалось стать по-настоящему богатым человеком. Он, конечно, не бедный, но и не богатый. Я, во всяком случае, так думаю. Может, он что-то от меня скрывает, но я ведь тоже не совсем дурак и понимаю кое-что... Впрочем, его богатство меня мало интересует, потому что у меня шесть сестер. Наследство, даже если оно будет довольно приличное, поделенное на семь человек... Думать о наследстве при таком раскладе бессмысленно!

Но в принципе он мог бы быть очень богатым человеком. Ведь это искусство – тратить деньги. И это искусство ему, мне кажется, неподвластно. Я, может, умею, хуже зарабатывать – пока! – но тратить деньги я умею лучше отца. Да и зачем ему деньги – вертолет, что ли, покупать? До позапрошлого года он вообще ездил на «жигулях»...

– **В ваших словах слышно больше ласкового цинизма, чем сыновней преданности!**

– Совсем нет! Я не согласен! «Преданность» – может, не вполне точное слово, но я к отцу отношусь с большим уважением и очень большой любовью. Во-первых, это отец, а во-вторых, он – выдающийся человек, который мне лично очень много дал и продолжает давать. Я вообще очень горд тем фактом, что мой отец – это мой отец, и не поменялся бы ни с кем.

Меня часто спрашивают: помогает или мешает принадлежность к клану Михалковых? И помогает, и мешает. Определенные неудобства, конечно, есть. Например, в каждой статье про мой новый фильм: мол, вот, отпрыск такой фамилии, как он может снимать такое говно?! Или наоборот, хвалит, но все равно начинают с

того, что: ну вот, и этот подался в кино.

Говорят, на детях гениев природа отдыхает. Но лучше всего по этому поводу сказал младший Кобзон: это дети гениев отдыхают!

Что касается семейной жизни, то я бы, конечно, семь раз не женился! Я, впрочем, еще ни разу не женился... Мы семь лет живем с моей женой, хотя и не расписаны.

– **Какие у вас сейчас отношения с отцом?**

– Естественно, у нас бывали какие-то проблемы, мы немножко ссорились, не пересванивались в течение месяца-полтора. Но ведь глупо ссориться с шестидесятипяти-летним отцом тридцатилетнему сыну! Тем более что особых беспокойств я ему не доставляю, и думаю, ему за меня не слишком стыдно. У нас очень хорошие отношения, теплые, нежные.

– **Расскажите на сладкое какую-нибудь семейную историю.**

– Эта история связана с отцом и дедом. В 87-м году я ехал во Францию, и уже точно знал, что не вернусь, что приду в тамошнее консульство и скажу, что остаюсь за границей. Отец тогда ставил «Чайку» в парижском театре «Одеон», и по его задумке Тригорин должен был постоянно ножиком строгать можжевельную веточку. Андрей Сергеевич хотел, чтобы это были настоящие можжевельниковые ветки. Он звонит из Парижа на Николину гору, разговаривает сначала с дедом, с Сергеем Владимировичем, потом зовет меня. Дед мне кричит снизу: «Егор!» Я беру параллельную трубку, а дед свою не вешает. Отец меня просит, чтобы я нашел ему можжевельниковый куст. И говорит такую фразу: «Одевай кеды или пошли кого-нибудь в лес!» И вдруг голос по параллельной трубке: «Я не пойду, у меня пленум!» Ему послышалось: «Одевай деда». И ведь уважительную причину такую трогательную нашел – пленум.

Много, конечно, смешных историй. Копался я однажды в кладовке на даче, разбирал всякое старье, лежащее там аж с пятидесятых годов. Нахожу пыльный сверток, лет десять ему явно. Разворачиваю – там коньки, старые такие, коричневые. Вдруг вижу, что на бумаге, в которую они завернуты, нарисована какая-то рожа, смешная, кривенькая. Дай, думаю, сориентальничать. Вставил рожу в рамочку, повесил над своей кроватью. А я тогда жил в отцовской квартире. Приезжает отец из Америки, ходит по квартире, показывает мне на мою картинку и говорит: «Вот эту вещь, сынок, я берегу пуще зеницы ока. Это Пикассо». И это действительно была редчайшая литография Пикассо за его подписью. На обратной стороне – автограф Луи Арагона отцу. А какая-то домработница завернула в нее коньки и засунула в кладовку.

Потом ее, к сожалению, украл. Она сравнительно недорогая была – ну, тысяч пятнадцать фунтов. Еще до кражи мне один спекулянт, кстати, предлагал такую аферу: давай, говорит, я тебе нарисую такую же, подпись подделаем и повесим, а деньги распилим! Я теперь жалею, что мы этого не сделали: все равно ведь украли. Шутка. Я, впрочем, и так попер у папы вещей немало.

– **??!**

– Да так... Вижу, например, рубашечка лежит, дорогушая. Я ее – вжик – и фарцовщиком. Вот и деньги есть на ресторан. Правда-правда. Но это давно было...

Встречалась
Мария ЛЬВОВА